

Амнистия 1953 г. и первые опыты по пересмотру практик социального контроля в СССР

Елена Зубкова

Amnesty of 1953 and the first experiments in the revision of social control practices in the USSR

Elena Zubkova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014466-3

При изучении «советского проекта» и феномена советского вообще к числу наиболее дискуссионных относятся вопросы, связанные с формированием, эволюцией и функционированием советского общества. Оно складывалось под влиянием историко-культурной традиции и актуальных вызовов времени. Вместе с тем его можно рассматривать как проект — результат политического и социального конструирования. В качестве механизма воплощения проекта в жизнь выступал социальный контроль. В первую очередь он проявлялся в разделении общества на «своих» и «чужих», «нужных» и «лишних». К числу «изгоев» принадлежали люди, маркированные как «преступники»: совершившие преступления (реальные или мнимые) и на время изолированные от общества. Борьба с преступностью, прежде всего уголовной, представляла собой одну из разновидностей социального контроля и способ поддержания порядка¹.

После 1953 г. в государственной политике в сфере борьбы с преступностью и правонарушениями обозначились новые тенденции: смягчился режим, начался интенсивный процесс нормотворчества, политика изоляции маргиналов сменялась стремлением инкорпорировать их в социум, значительная часть функций по поддержанию общественного порядка переводилась в зону ответственности «общественности». Однако либерализация уголовной политики носила прерывистый и нередко обратимый характер, что объяснялось влиянием инерции предшествующей традиции, основанной на репрессиях и изоляции. Кроме того, инициаторам перемен пришлось столкнуться с криминальным вызовом — массовыми беспорядками и ростом хулиганских проявлений.

Пересмотр норм и практик социального контроля шёл в контексте перемен в стране и явился реакцией на проблему преступности и состояние репрессивной системы, в первую очередь её тюремно-лагерного сегмента (положение осуждённых/заключённых). Он развивался поэтапно и, хотя не имел чётко выраженной динамики, характеризовался спецификой в сфере нормотворчества, идеологического сопровождения и политики по отношению к людям, совершившим уголовные преступления и прочие правонарушения.

© 2021 г. Е.Ю. Зубкова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00442а.

¹ *Гилинский Я.И.* Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 42—58.

Сталинская репрессивная система, которая создавалась и рассматривалась как механизм обеспечения политической стабильности, разрастаясь, сама становилась угрозой социальному порядку. В силу этого её трансформация оказалась неизбежной, началась ещё при жизни Сталина, но на качественно иной уровень вышла после его смерти. 26 марта 1953 г. министр внутренних дел СССР Л.П. Берия направил в Президиум ЦК КПСС записку, в которой указывалось: «В настоящее время в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 человека заключённых, из них: осуждённых на срок до 5 лет — 590 000, от 5 до 10 лет — 1 216 000, от 10 до 20 лет — 573 000 и свыше 20 лет — 188 000 человек... Содержание большого количества заключённых в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осуждённых за преступления, не представляющие серьёзной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью»².

Существенную часть лагерного контингента составляли люди, привлечённые за незначительные, с точки зрения министра, правонарушения: самовольный уход с работы, должностные и хозяйственные преступления, мелкие кражи, хулиганство, мелкую спекуляцию. ГУЛАГ заметно пополнился после принятия указов 1947 г., ужесточивших уголовную ответственность за хищения государственного и общественного имущества, кражи личной собственности граждан³. На 1 января 1953 г. из общего количества заключённых за указанные преступления в лагерях содержались 1 241 919 человек. Срок от 5 до 10 лет за должностные, хозяйственные и воинские преступления получили 300 тыс. человек (в их числе председатели и бригадиры колхозов, инженеры, руководители предприятий). Весомую долю контингента составляли женщины — 438 788 человек, из них 6 286 беременных и 35 505 с детьми в возрасте до 2 лет. У многих дети в возрасте до 10 лет находились в детских домах или в семьях родственников. 238 тыс. мужчин и женщин пребывали в возрасте старше 50 лет. В возрасте до 18 лет насчитывался 31 181 заключённый, подавляющее большинство из них отбывали наказание за мелкие кражи и хулиганство. Около 198 тыс. человек страдали тяжёлыми и неизлечимыми болезнями, являясь совершенно нетрудоспособными⁴.

Криминологи и психологи (зарубежные, а когда-то и отечественные) настаивали, что длительное лишение свободы не только не решает проблему

² Лаврентий Берия. 1953 г. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.П. Наумов, Ю.В. Сигачёв. М., 1999. С. 19.

³ Указ Президиума Верховного совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» вышел 4 июня 1947 г. Кража личного имущества каралась заключением в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) на срок от 5 до 6 лет; кража, совершённая повторно или воровской шайкой, — от 6 до 10 лет; разбой — от 10 до 15 лет с конфискацией имущества; разбой, соединённый с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, с угрозой смерти или тяжкими телесными повреждениями, — от 15 до 20 лет с конфискацией имущества. В тот же день был принят указ «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Кража, присвоение, растрата или полное хищение государственного имущества карались заключением в ИТЛ на 7—10 лет, иногда с конфискацией имущества; хищение государственного имущества, совершаемое повторно или организованной группой, а также в крупных размерах, — от 10 до 25 лет с конфискацией имущества; кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества — от 5 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества; хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно или организованной группой, — от 8 до 20 лет с конфискацией.

⁴ Лаврентий Берия... С. 19—21.

сокращения преступности и не выполняет «исправительно-воспитательную» функцию, но ведёт к дальнейшей криминализации общества, а также к десоциализации личности⁵. Берия, вряд ли знакомый с исследованиями учёных, фактически встал на их точку зрения: «Известно, что заключение в лагерь, связанное с отрывом на продолжительное время от семьи, от привычных бытовых условий и занятий, ставит осуждённых, их родственников и близких людей в очень тяжёлое положение, часто разрушает семью, крайне отрицательно сказывается на всей их последующей жизни». Исходя из этого, а также со ссылкой на то, что «большинство из этих заключённых хорошо ведёт себя в лагерях, добросовестно относится к труду и может вернуться к честной трудовой жизни», министр предложил провести широкую амнистию, почти наполовину сократив население ГУЛАГа⁶.

Ещё одна инициатива Берии предполагала более решительные шаги в направлении либерализации системы наказаний. Ранее ежегодно осуждались свыше 1,5 млн человек, в том числе до 650 тыс. на различные сроки лишения свободы, причём значительная часть — за преступления, не представлявшие большой опасности для общества и государства. Теперь же ставилась задача пересмотра законодательства: «Если этого не сделать, через 1—2 года общее количество заключённых опять достигнет 2,5—3 млн человек»⁷.

Министр вряд ли руководствовался соображениями гуманизма. Будучи человеком информированным, он действовал как прагматик. По его поручению началась работа по подготовке проектов двух указов — «Об освобождении от наказания некоторых категорий осуждённых» и «О некоторых изменениях уголовного законодательства». Уже 18 марта оба документа были представлены Берии министерствами юстиции (К.П. Горшениным) и внутренних дел (С.Н. Кругловым) и Генеральной прокуратурой СССР (Г.Н. Сафоновым)⁸. Первый воплотился в указе Президиума Верховного совета СССР «Об амнистии» (принят 27 марта), второй так и остался «на бумаге»: вероятно, его идеи тогда показались слишком радикальными.

Среди выдвинутых в проектах предложений — сокращение числа судимостей и смягчение приговоров (прежде всего за счёт ограничения применения уголовной ответственности в виде лишения свободы и заключения в ИТЛ) и, как следствие, «значительное уменьшение лагерного контингента». Планировалось привлечь к уголовной ответственности на 520 тыс. человек меньше, или на 33% по сравнению с уровнем 1952 г. Достичь этого предполагалось отменой наказаний рабочих и служащих за прогулы (на 150 тыс.), колхозников — за невыработку минимума трудовой (140 тыс.), женщин — за производство аборта (65 тыс.), а также за изготовление самогона без цели сбыта (25 тыс.) и за «самоуправство» (50 тыс.). Уголовная ответственность за «незначительные хулиганские действия» и некоторые должностные правонарушения заменялась на административную. Так, в случае хулиганских действий, совершённых впервые и «не носящих злобного характера», виновный наказывался штрафом в 300 руб. В результате планировалось, что по этим двум категориям судимость должна сократиться на 30 тыс. и 60 тыс. человек соответственно. Результатом

⁵ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 425—426.

⁶ Лаврентий Берия... С. 20.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 2231, л. 69—70.

этих изменений уголовного законодательства виделось ежегодное сокращение числа осуждённых и заключённых в лагеря на 300—350 тыс. человек (или до 50%), в том числе на 250—300 тыс. в связи с заменой заключения в лагерь на срок ниже 3 лет другими мерами наказания⁹.

Несмотря на секретный характер проектов, вопросы либерализации системы наказаний стали предметом острых споров среди юристов, чиновников, журналистов, которые продлились до принятия «Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик» в 1958 г. Стимулировало дискуссии и положение принятого указа «Об амнистии»: «Признать необходимым пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления»¹⁰.

Проведение амнистии явилось первым знаковым актом нового руководства, сигналом, что страна возвращается к «нормальной» жизни. Об этом свидетельствует риторика указа: «В результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения благосостояния и культурного уровня населения, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга укрепились законность и социалистический правопорядок, а также — значительно сократилась преступность в стране. Президиум Верховного Совета СССР считает, что в этих условиях не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой опасности для государства»¹¹. Скоро выяснилось, что заявление о сокращении преступности несколько более оптимистично, нежели состояние криминогенной ситуации (не говоря уже о том, что амнистия привела к резкому её ухудшению). Однако благодаря этому акту из лагерей вышли сотни тысяч людей, не имевших никакого отношения к уголовному миру.

Всего амнистия коснулась более 1 млн человек. Из мест заключения и от других мер наказания освобождались граждане, осуждённые на срок до 5 лет включительно. Независимо от срока наказания на свободу вышли осуждённые за ряд должностных, хозяйственных и воинских преступлений, женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, и беременные, несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, а также страдавшие тяжёлыми неизлечимыми недугами. Получившим свыше 5 лет лишения свободы время заключения сокращалось наполовину. Амнистия не касалась лиц, осуждённых на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения, бандитизм и умышленное убийство.

Объявление амнистии 28 марта вызвало в обществе противоречивую реакцию. В тот же день появились два анонимных письма, адресованных К.Е. Ворошилову. «В народе» именно он считался главным «отцом» амнистии, поскольку указ вышел за его подписью как председателя президиума Верховного совета СССР. Автор первого письма писал: «Утро 28-III-1953 года в Сталинабаде пасмурно и дождливо. По временам идёт снег. Но улицы полны народом. На лицах улыбки, в глазах радость. Крепкие рукопожатия, возгласы поздрав-

⁹ Там же, л. 70—73.

¹⁰ Правда. 1953. 28 марта.

¹¹ Там же.

лений. И кажется, что нет никакого дождя, снега и серой пелены на небе, а сияет солнце на голубом небосводе и лучи его отблеском отражаются на лицах. В чём дело? Почему такое торжество? Вот некоторые возгласы и отрывки бесед: “Ай да Клим!” — “Широкий размах!” — “Клим рубит с плеча...” — “Как и под Царицыным...” — “Кто мог ожидать, а?” — “Выпьем за Клима!” — “Он ещё не так рубанёт!” — “Мало ли у нас нелепых законов?” — “Пересмотрит!” — “Клим наш!” — “Наш Клим!”. И где ни пойдёшь, куда не повернёшься, везде слышится: “Клим, Клим, Клим...” Что за фамильярность? Почему не официально — “товарищ Ворошилов”? Или с уважением: “Климент Ефремович”? Но стоит только услышать с какой теплотой и лаской произносится это короткое, многозначное имя, как мгновенно этот вопрос застревает в горле и на глаза навёртывается непрошенная влага. И эти глаза... многомиллионные пары глаз с непередаваемой благодарностью обращаются к портрету и смотрят на строгое лицо с тонкими губами и проникновенным взглядом, окаймлённое сединой. “Докажем, что ты прав, наш Клим... Ведь уже нет почти ни одной советской семьи, из которой кто-нибудь не сидит в тюрьме за... что? Пачка папирос, коробка спичек, кило мяса... Пять лет, семь, десять!... Враг народа, лишение гражданства, поражение в правах!... Клим! Ты всё знаешь, наш Клим!”¹².

Противоположные чувства владели автором другого письма: «После сообщения об амнистии большинство честных людей очень недовольны, Вы заинтересуйтесь, почему, — во-первых, потому что Вы её опубликовали почти сразу после смерти нашего гения Сталина. Неужели это было большой необходимостью сделать это сейчас, когда слёзы советских людей не высохли от такой утраты, у народа впечатление, что наш родной Сталин, за которым люди шли на смерть не задумываясь, был жесток и слишком с людьми, которые совершали преступление. Все преступники — есть враги, с ними надо быть жестокими. Да есть люди, которые попали за малое преступление и отбывают срок наказания. Так нужно больше внимание обратить на судебно-следственную работу и не привлекать всех по шаблону. Надо обратить особое внимание на работу органов милиции, которая не борется с преступлением, а только создаёт видимость... Каждому советскому человеку отрадно бы было, если бы у нас в нашем государстве не было тюрем и лагерей, но ведь это невозможно пока, и такая амнистия, как опубликованная сегодня, может принести немало ущерба и жертв как государству, так и частным гражданам... При новой разработке уголовного кодекса нужно беспощадно наказывать убийц и бандитов, крупных растратчиков, такое желание всех честных граждан Советского Союза. Не давать им никакой пощады, ждать от них сознательности нет пока никакого основания»¹³.

Данное письмо заслуживает внимания по нескольким причинам. Оно, безусловно, отразило мнение внушительной части населения, что подтверждает последующая массовая негативная реакция на амнистию. Опасения автора носят своего рода прогностический характер, поскольку освобождение из лагерей ещё не началось. Апелляция к имени Сталина свидетельствует, что акт осуждался не только с моральной точки зрения — как оскорбление памяти недавно ушедшего вождя, — но и как разрыв с прошлым опытом обращения с осуждёнными. Очевидно, что намерение нового руководства страны через акт амнистии вернуть к нормальной жизни исключённых из общества людей (в том чис-

¹² ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 58, д. 130, л. 24.

¹³ Там же, д. 129, л. 107.

ле с криминальным прошлым) противоречило настроениям самого общества, по крайней мере, значительной его части. Этот конфликт интересов, который вскоре заявил о себе не только в формате отношений «общество—власть», но и на разных уровнях властной вертикали, стал одним из главных препятствий на пути изменения норм и практик социального контроля (особенно это касалось одной из основ идентификации — деления на «своих» и «чужих»). Для многих граждан СССР «преступник это враг», которого необходимо беспощадно наказывать и изолировать от общества. При этом сама категория «преступного» поведения оставалась весьма расплывчатой. Её главным критерием служило не содержание содеянного, а сам факт наказания (расхожее мнение: «невиновных у нас не сажают», «нет дыма без огня» и т.д.). Культивируемая десятилетиями система стигматизации, маркирования «наших» и «врагов» обладала сильной инерцией, преодолеть которую до конца так и не удалось.

Вместе с тем это лишь одна причина нежелания сограждан и власть предержащих пересмотреть отношение к аутсайдерам, как и к социальным девиациям и людям с отклоняющимся от принятых в обществе норм поведения вообще. Ситуация, сложившаяся в результате амнистии, вовсе не способствовала формированию атмосферы общественной толерантности. Не будет преувеличением сказать, что освобождённые из лагерей уголовники устроили в стране настоящий беспредел. Беспорядки начались уже в пути следования эшелонов с ними. С мест поступали тревожные сигналы: «Амурский обком сообщил, что амнистированными, следующими эшелоном № 701, произведено ограбление буфетов и перронных лавок на шести железнодорожных станциях. Оперативные группы, сопровождавшие эшелоны, будучи запуганными, во многих случаях бездействуют. На станции Михайло-Чесноковская 20 мая большая группа амнистированных разогнала милицию и в течение двух с половиной часов держала станцию в своих руках»¹⁴. Однако больше беспокоились из-за разгула уголовников простые граждане, которые обращались с жалобами в ЦК КПСС, Верховный совет СССР, лично к советским руководителям.

Писем было так много, что МВД пришлось организовать их проверку и расследовать упомянутые случаи бесчинств. Результаты министр Круглов через несколько месяцев доложил Ворошилову. Большинство фактов подтвердились. Так, в анонимном письме из Ульяновска сообщалось, что уголовники захватили райком партии и ограбили его сотрудников. «Это ограбление действительно имело место. 19 мая 1953 г. освобождённый по амнистии Прокудин, будучи пьяным, зашёл в здание райкома КПСС и в одной из комнат отобрал у четырёх работников райкома, в том числе и секретаря райкома, наручные часы, оборвал телефонный провод и скрылся. Через 1,5 часа работниками милиции преступник был задержан и 20 июня 1954 г. осуждён к 15 годам заключения в ИТЛ»¹⁵.

Особенно сложная криминогенная обстановка складывалась в удалённых районах, где находилось большое количество лагерных пунктов. Освобождённые часто оседали на местах, не желая или не имея возможности выехать оттуда. Такое положение фиксировалось, например, в Восточно-Сахалинском районе Сахалинской обл., где в первые месяцы после амнистии резко вырос уровень преступности¹⁶. В Норильске в течение октября—ноября 1953 г. было зарегистрировано 294 уголовных преступления, а в первой декаде декабря —

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 15, д. 402, л. 89.

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 85с, д. 250, л. 44.

¹⁶ Там же, ф. Р-9415, оп. 3, д. 254, л. 125.

61, в том числе 3 убийства, 19 разбоев и 27 краж. В Дудинке только с 2 по 8 декабря совершено 5 убийств. В посёлке и порту Певек Красноярского края во втором и третьем кварталах 1953 г. — 201 преступление, в том числе 26 случаев бандитизма и разбоев, 23 убийства и 6 изнасилований. По сообщению правоохранительных и партийных органов, «уголовно-преступный элемент терроризировал население, убийства носят характер истязания, убитых граждан никто не хочет опознавать, боясь мести, свидетелями по делам почти никто не идёт, за исключением военнослужащих, а это привело к тому, что убийства раскрываются только в том случае, если преступник задержан на месте»¹⁷.

По данным прокуратуры СССР, начиная со второго квартала 1953 г. рост преступности (убийств, разбойных нападений, краж и хулиганств, мошенничества) наблюдался «почти повсеместно», и в сентябре «тенденции к их уменьшению всё ещё не наметилось». «Как установлено, большое число особо опасных преступлений совершается лицами, освобождёнными из мест заключения по амнистии. Они вовлекают в свою преступную деятельность неустойчивые элементы, особенно из числа молодёжи»¹⁸. За год по всем видам уголовных преступлений было зарегистрировано 320 835 преступлений (без данных транспортных органов милиции), притом что в 1952 г. — 246 850, а в 1954 г. — 265 082¹⁹. В связи с усложнением криминогенной ситуации Президиум ЦК КПСС 2 июля одобрил проект указа Президиума Верховного совета СССР «О неприменении амнистии к лицам, осуждённым за разбой, к ворам-рецидивистам и злостным хулиганам». Лица, освобождённые на основании указа от 27 марта, если они нигде не работали, отправлялись обратно в лагеря на срок, оставшийся к моменту освобождения по амнистии²⁰.

Негативные последствия амнистии, как это ни покажется парадоксальным, имели и положительный эффект. Оказавшись во многом «неожиданными» (во всяком случае, в таких масштабах), они показали, что ни властные структуры, ни правоохранительные органы не владеют ситуацией в достаточной мере, чтобы оперативно реагировать на неё, а тем более прогнозировать. Это заставило всерьёз заняться проблемой преступности. До того не существовало даже чёткой, единой системы учёта уголовных правонарушений. Как признавался заместитель Генерального прокурора СССР Г.Н. Новиков, многие из них вообще оставались незарегистрированными²¹. Не менее остро стоял вопрос о состоянии системы, отвечающей за контроль над преступностью (милиция, прокуратура, судебные органы): она очевидно нуждалась в реформировании. Наконец, чтобы решить проблему преступности, её необходимо было изучать — как это делалось в 1920-х гг. В 1953 г. задача возрождения отечественной криминологии и девиантологии ещё не казалась актуальной, но она заявила о себе вскоре, когда исчерпали себя методы административного и политико-идеологического реагирования на ситуацию. Криминальный след амнистии привлёк внимание к феномену профессиональной, организованной преступности. Раньше она не выделялась из общего криминала, а само это понятие не употреблялось. Даже

¹⁷ На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. Документы / Сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М., 2010. С. 150.

¹⁸ Там же. С. 144—145, 148.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 273, л. 194—210.

²⁰ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 382.

²¹ На «краю» советского общества... С. 149.

в ведомственном лексиконе предпочитали подменять явление эксцессами: говорили об «уголовниках-рецидивистах», «ворах-рецидивистах»²².

Первым опытом такого рода стало создание в 1955 г. в составе МВД СССР Специального бюро, вскоре преобразованного в Научно-исследовательский отдел (упразднён в 1959 г.). Назначенный в 1956 г. министром внутренних дел Н.П. Дудоров поручил сотрудникам отдела возобновить исследования уголовной преступности, причём непосредственно «на месте» (в лагерях). Предполагалось собирать документальную базу и социологический материал, в том числе беседуя с заключёнными. Эту задачу выполняли пришедшие в отдел молодые юристы Ю.Б. Утевский и А.М. Яковлев. В 1957 г. последний провёл большое исследование в Восточно-Уральском ИТЛ (Востураллаге), в созданную им социологическую базу попали 800 рецидивистов. Позже материал послужил основой для докторской диссертации²³ — первой за 30 лет²⁴.

Криминальный социум, объединявшийся пространством вынужденного совместного существования — лагерем, после выхода на свободу распался. Часть освобождённых стремилась интегрироваться в нормальную жизнь, другие продолжали жить по «воровским законам», в собственном мире со своими нормами и правилами. Они принесли с собой субкультуру, которая оказалась привлекательной, «заразительной» для части общества, особенно молодёжи²⁵, которую привлекала своей «неправильностью» в советских условиях тотальных предписаний. Как вспоминает музыкант А.С. Козлов, «образ “урки” вызывал не только страх, но и особое чувство уважения. В дворовой жизни среди мальчишек среднего возраста считался модным этакий симбиоз урки и приблатнённого матросика»²⁶. Брюки «клёш», тельняшка, кепка с обрезанным козырьком, татуировка и имитация металлической фикса — с помощью этих несложных ухищрений мальчишки стремились создать независимый, как им казалось, образ. Популярны были и блатные песни — своеобразный гибрид тюремного фольклора и городского романса: «Медленно и постепенно они просачивались с Дальнего Востока и с Дальнего Севера, они вспыхивали в вокзальных буфетах узловых станций. Указ об амнистии напевал их сквозь зубы. Как пикеты наступающей армии, отдельные песни мотались вокруг небольших городов, их такт отстукивали дачные электрички, и, наконец, на плечах реабилитированной 58-й статьи они вошли в город. Их запела интеллигенция»²⁷.

27 августа 1953 г. Совет министров СССР принял секретное постановление № 2283-930с «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью». В нём отмечалось, что органы Министерства внутренних дел «не принимают эффективных мер к охране общественного порядка и слабо ведут работу по борьбе с преступностью», часть уголовников-рецидивистов после выхода на свободу возобновили свою деятельность. Наме-

²² О проблеме профессиональной преступности в 1950—1960-х гг., её состоянии и первых опытах изучения подробнее см.: *Elie M. Banditen und Juristen im Tauwetter GULAG-Reform, kriminelle Gegenkultur und kriminologische Expertise // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. Н. 4. S. 492—512.*

²³ *Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964.*

²⁴ *Elie M. Banditen und Juristen... С. 497—499.*

²⁵ О влиянии криминальной субкультуры на общество см.: *Добсон М. Холодное лето Хрущёва. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М., 2014. С. 123—149.*

²⁶ *Козлов А. «Козёл на саксе» — и так всю жизнь... М., 1998. С. 56.*

²⁷ *Даниэль Ю. Говорит Москва. М., 1991. С. 100.*

чался комплекс мер, направленных на улучшение работы милиции по предупреждению и раскрытию преступлений (в первую очередь, особо тяжких), усиление борьбы с «антиобщественными элементами» (в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 23 июля 1951 г.). Советы министров союзных и автономных республик должны были к 10 сентября обеспечить трудоустройство всех освобождённых по амнистии. Нетрудоустроенные инвалиды и престарелые граждане, не имевшие родственников, направлялись в дома престарелых и инвалидов. Руководители предприятий и профсоюзные органы обязывались организовать обучение амнистированных и затем использовать их по специальности. Руководители предприятий получили право в течение трёх месяцев выплачивать амнистированным, проходившим профессиональное обучение, стипендию в размере 400 руб.²⁸

В порядке надзора за исполнением постановления Генеральный прокурор СССР 31 августа издал приказ № 225с, предписывавший прокурорам республик, краёв, областей и районов провести ряд мероприятий, в том числе «в недельный срок разобраться с состоянием преступности, разработать и провести необходимые мероприятия, направленные на усиление борьбы с уголовной преступностью, обратив при этом особое внимание на активизацию и повышение эффективности борьбы с такими преступлениями, как убийства, разбойные нападения, кражи и хулиганство»²⁹. Однако эта задача была невыполнима изначально. Вскоре выяснилось, что и меры, направленные на качественное улучшение деятельности правоохранительных органов, могут быть реализованы лишь отчасти: аппарат милиции и прокуратуры, ведавший оперативной разработкой, дознанием и следствием, оказался просто не готов к такому объёму работы — прежде всего в силу своей малочисленности, недостаточной квалификации, а также межведомственных конфликтов³⁰.

Всплеск криминальной активности — не единственная проблема, связанная с амнистией. Другой проблемой — и гораздо более важной, затрагивавшей основную массу освобождённых, — явилась адаптация: возможности и условия возвращения к нормальной жизни, трудоустройство, жильё и (далеко не в последнюю очередь) отношение окружения, т.е. готовность социума принять «включить» бывших «исключённых». Трудности с поиском работы, когда человек оказывался «не у дел» и без прописки, безусловно, являлись и фактором риска криминального рецидива³¹.

В июне 1953 г., спустя два месяца после проведения амнистии, в разных городах и областях остались нетрудоустроенными от 25 до 40% амнистированных³². По состоянию на 10 сентября, по сообщениям региональных управлений милиции, процент трудоустроенных поднялся до 88. Только в некоторых регионах он отставал: в Грузинской ССР, Краснодарском крае — 60%, в Лат-

²⁸ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 12, д. 231/2, л. 104—105.

²⁹ Там же, ф. Р-8131, оп. 32, д. 2386, л. 1—7.

³⁰ На «краю» советского общества... С. 150.

³¹ Тема реинтеграции бывших заключённых достаточно подробно разработана в научной литературе. См., например: *Adler N. The Gulag survivor: beyond the Soviet System.* Routledge, 2017; *Elie M. Policies concerning amnestied and rehabilitated former Gulag prisoners in the Novosibirsk oblast, 1953—1960 // Cahiers du Monde Russe.* 2006. № 1. P. 327—347; *Elie M. Rehabilitation in the Soviet Union, 1953—1964: a policy unachieved // De-Stalinising Eastern Europe.* L., 2015. P. 25—45; *Sprau M. Kolyma nach dem GULAG: Entstalinisierung im Magadaner Gebiet 1953—1960.* Berlin; Boston, 2018.

³² РГАНИ, ф. 5, оп. 15, д. 402, л. 46—47.

вийской и Молдавской ССР, Великолукской обл. — 70%³³. Возможности получения работы во многом определялись позицией местных органов власти и руководителей предприятий. В ряде мест, особенно там, где не хватало людей, бывших «сидельцев» принимали охотно. Так, Томский обком КПСС высказал готовность принять 5 тыс. семей в колхозы и 1 100 семей — на предприятия местной промышленности. Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР поддержало ходатайство обкома и предложило предоставить переселяемым льготы, в том числе бесплатный проезд, провоз имущества до двух тонн на семью и провоз скота; единовременное пособие по 800 руб. на главу семьи и по 300 руб. на каждого члена семьи; списание в местах выхода семей недоимок по сельскохозяйственному налогу и обязательным поставкам сельхозпродукции, а в местах вселения — освобождение от уплаты налога и обязательных поставок (кроме молока) сроком на два года; кредит на строительство жилья 10 тыс. руб. и 1 500 руб. — на покупку коровы. Эти предложения находились в русле принятого 7 апреля 1953 г. распоряжения Совета министров СССР, которое предоставило ряду министерств право при заключении трудовых договоров с амнистированными для работы на предприятиях и стройках выплачивать единовременное безвозвратное пособие в размере 150 и 300 руб. при заключении договора на 1 год и в двойном размере при заключении договора на 2 года. Кроме того, разрешалось выдавать ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере 10 тыс. руб. и на хозяйственное обзаведение — до 2—3 тыс. руб.³⁴

Однако, несмотря на принятые на самом высоком уровне решения и рекомендации, местные органы власти не спешили их выполнять — особенно в первые месяцы. Это обуславливалось прежде всего устойчиво подозрительным отношением ко всем людям с лагерным и тюремным прошлым. Сознание не могло смириться с мыслью, что «изгои» способны стать «правильными» гражданами³⁵. Перекодировка «чужих» в «своих» давалась с большим трудом. Ещё меньше к такого рода повороту, точнее работе, оказалось готово общество — те самые «правильные» граждане. Безусловно, и здесь сказывалась привычка мыслить в сформированной ещё в сталинские годы парадигме: человек, побывавший на «зоне», независимо от характера совершённого им преступления, воспринимался как потенциальный уголовник. Криминальный разбой, устроенный частью амнистированных, работал на закрепление этого стереотипа.

Любопытно, что в письмах-откликах на результаты амнистии очень редко встречались сочувственные высказывания (исключение — отношение к осуждённым по политическим статьям, но в 1953 г. таковых среди вышедших на свободу было относительно немного). В основном преобладали алармистские настроения, большую долю составляли коллективные жалобы. Колхозники из Ростовской обл. писали: «С момента прихода по амнистии бывших заключённых мы не знаем покоя в своей мирной жизни и труде. За период 30-летнего существования нашего колхоза не было ничего подобного, за последнее время нападают и грабят почтовых работников, колхозников, везущих продукты на

³³ ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 233, л. 225.

³⁴ Там же, ф. Р-5446, оп. 87, д. 1511, л. 67—69.

³⁵ О тех же проблемах, но применительно к довоенному периоду, размышляет Г. Алексопулос. Ей же принадлежит терминология — деление советского социума на «сталинских изгоев» и «правильных граждан»: *Alexopoulos G. Stalin's outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926—1936*. Ithaca; L., 2003.

рынок, грабят магазины и зверски убили сторожа-колхозницу, которая трудилась в колхозе более 25 лет... Всё это навело большую панику на колхозников, которые из-за боязни не выходят на ночные работы по животноводству, на охрану складов, перестали посещать культурные учреждения и с 7 часов вечера по две семьи собираются в одну комнату на ночлег, потому что грабёж и убийства производятся не отдельными личностями, а целыми группами в 8—10 человек, вооружённых огнестрельным оружием». Им вторили рабочие монтажного управления № 5 треста «Нефтезаводмонтаж» Куйбышевской обл.: «Не считаясь с силами, работая по 10—16 часов, мы строим крупный нефтеперерабатывающий завод, но мы не имеем отдыха по Сталинской Конституции. Среди нас есть люди, которые весь век пытаются прожить паразитами. Вечером мы не имеем права выйти на улицу, пойти в кино или другие культурные учреждения, до того развит в нашем молодом городе Новокуйбышевске грабёж, насилия. К амнистированным примкнула неорганизованная молодёжь. Отдельные дома нашего города внешне начинают походить на тюрьмы — в окнах появляются решётки. В чём дело? Почему мы не можем в нашей стране строящегося коммунизма свободно работать, отдыхать, учиться?»³⁶.

Нередко письма напоминали «страшилки» и основывались в основном на слухах. Вместе с тем проверки МВД показывали, что «значительное количество фактов, сообщаемых в письмах трудящихся, соответствует действительности». Размышляя о причинах разгула криминала, граждане видели одну из главных в недостатках системы наказания преступников и требовали «суровых мер». Для убедительности они ссылались не только на последствия амнистии, присутствовало стремление политизировать уголовные преступления, перекалфицировать их в терроризм. Речь шла не только о грабежах и убийствах, даже хулиганство маркировалось как «политический бандитизм». Звучали и утверждения о влиянии зарубежной агентуры. «Наличие случаев убийств и хулиганства без видимых причин и без ограблений, производимых организованными шайками, заставляют думать о диверсионном характере этих убийств, т.е. об участии врагов извне», — таково было мнение научных работников из Ленинграда. С ними солидаризовался инженер из Красноярска: «Я не вижу разницы между диверсантом, который взорвал театр или сжёг библиотеку, и бандитом, грабителем, который, убивая и грабя честных тружеников, не даёт им возможности посещать вечером эти учреждения, т.е. использовать их. Мне не понятно, почему мы не называем таких людей врагами народа и почему мы не судим их и не расправляемся с ними, как с врагами народа? Не исключена возможность того, что шайки этих грабителей специально создаются врагами народа именно из политических соображений, чтобы запугать честных людей, парализовать работу вечерних культурно-просветительских учреждений и вызвать недовольство в народе». Преподаватель Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта также полагал, что цель действий зарубежной агентуры по активизации криминала — создание чувства недовольства среди населения и подрыв обороноспособности государства. Поэтому «самое время выполнить указание Великого Ленина, который говорил, что нет разницы для Советской власти между хулиганами, бандитами и капиталистами»³⁷.

Всё это, конечно, недвусмысленная апелляция к риторике и практикам 1930-х гг. Именно в эти годы происходила политизация преступности, кото-

³⁶ На «краю» советского общества... С. 157—158.

³⁷ Там же. С. 162—163.

рая стала рассматриваться в контексте классовой борьбы. Руководитель НКВД Г.Г. Ягода в 1935 г. настаивал, что хулиган, бандит, грабитель это «настоящий контрреволюционер»³⁸. Такая логика требовала соответствующего наказания виновных. Поэтому граждане выступали за ужесточение ответственности, вплоть до смертной казни³⁹. Высказывались и экзотические суждения, например, высылать преступников «на острова», где бы они жили в полной изоляции. Эта странная идея, отражавшая не столько решение проблемы, сколько отсутствие такового, нашла неожиданное продолжение в научной фантастике. И.А. Ефремов в романе «Туманность Андромеды» придумал Остров Забвения, ставший «убежищем для тех, кого не увлекала уже напряжённая деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми», т.е. для изгоев «правильного» общества⁴⁰.

В общем, граждане пока не готовы были принять идеи либерализации и гуманизации уголовного законодательства, реинтеграции людей, совершивших преступления, но уже отбывших наказание за это. Речь в письмах шла в основном о наиболее опасных преступлениях, но в сознании людей часто не существовало грани между грабителем и хулиганом, между уголовником-рецидивистом и человеком, первый раз преступившим закон. Между тем высказывавшиеся за «суровые» законы — это та самая «общественность», которую скоро призвали бороться с преступностью и заниматься поддержанием социального порядка, но совершенно другими методами. Эти методы начали обсуждаться в ходе разработки нового уголовного законодательства и реформирования системы социального контроля в целом. В процессе дискуссий обнаружилось, что общество оказалось гораздо более консервативным, чем профессиональные круги и руководство страны.

³⁸ *Ширер Д.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924—1953 гг. М., 2014. С. 34—40.

³⁹ На «краю» советского общества... С. 163—164.

⁴⁰ *Ефремов И.А.* Туманность Андромеды. М., 1958.